

RU

Структурно-семантические особенности заимствованных слов из семитских и иранских языков в кабардино-черкесский язык

Дзуганова Р. Х.

Аннотация. Цель исследования – установление лексико-грамматических особенностей заимствованных слов из арабского и персидского языков в кабардино-черкесский язык, что позволяет восстановить языковую и культурную картины взаимоотношений между указанными языками. Научная новизна работы заключается в том, что впервые на основе анализа фактического материала выявлены заимствованные слова из разноструктурных (семитских и иранских) языков в кабардино-черкесский язык с учетом их систематизации, фонетических и семантических модификаций, а также грамматических возможностей и регулярности использования в языке. Полученные результаты показали, как заимствованные слова подчиняются определенным фонетическим законам кабардино-черкесского языка, а семантическое их наполнение или выбор значений иноязычных слов зависит от потребности заимствующего языка. Выявлено, что из семитской группы языков кабардино-черкесский язык заимствовал слова из арабского языка, а из иранской группы языков – слова только из персидского и осетинского языков. Демонстрируя разнообразные лексико-грамматические возможности, заимствованные слова из разноструктурных языков способствуют развитию лексики и грамматики исследуемого языка.

EN

Structural and semantic features of borrowed words from semitic and Iranian languages in the Kabardian-Circassian language

R. Kh. Dzuganova

Abstract. The aim of this research is to establish the lexico-grammatical features of borrowed words from Arabic and Persian in the Kabardian-Circassian language, which allows for the reconstruction of the linguistic and cultural landscapes of the relationships between the languages in question. The scientific novelty of this work lies in the fact that, for the first time, based on the analysis of factual material, borrowed words from different-structured (Semitic and Iranian) languages in the Kabardian-Circassian language are identified, taking into account their systematization, phonetic and semantic modifications, as well as grammatical possibilities and regularity of use in the language. The results obtained showed how borrowed words are subject to certain phonetic laws of the Kabardian-Circassian language, and their semantic content or the choice of meanings of foreign language words depends on the needs of the borrowing language. It was revealed that from the Semitic language group, the Kabardian-Circassian language borrowed words from Arabic, and from the Iranian language group, words only from Persian and Ossetian. Demonstrating diverse lexico-grammatical possibilities, borrowed words from different-structured languages contribute to the development of the lexicon and grammar of the language under study.

Введение

В мире нет языков, не имеющих заимствованных слов. Так и лексическая система кабардино-черкесского языка, складывавшаяся веками, не лишена заимствованных слов из разных языков. Мало того, весомую часть кабардино-черкесской лексики составляют заимствованные слова из тюркских, семитских, иранских языков, не считая русизмов более позднего заимствования. Они пронизывают все сферы языка, начиная от самых обычных, конкретных понятий и заканчивая высокими абстракциями. Из всех заимствованных иноязычных слов в кабардино-черкесской лексике на первом месте стоят тюркские языки, как по количеству, так и по значению. Они заслуживают отдельного рассмотрения. В данной работе мы остановимся на лексико-грамматических особенностях небольшого количества заимствованных слов, наиболее употребительных в кабардино-черкесском языке, проникших из разных языков – арабского, персидского и осетинского.

Заемствованные слова из персидского языка относятся к области торговли, быта и денежных отношений, а слова из осетинского – к области материальной культуры и быта. Арабские заимствования большей частью соотносятся с исламом и мусульманской моралью, хотя встречаются и слова, связанные с бытом. Здесь следует учитывать, что многие из арабских заимствований проникли в кабардино-черкесский язык через тюркские языки, в основном через турецкий.

Систематизация значительного числа арабских и персидских заимствований, завуалированных в процессе многовековой адаптации, наталкивается на большие трудности при отсутствии письменных памятников. Здесь же нужно отметить, что в имеющихся словарях кабардино-черкесского и адыгейского языков отсутствуют пометы о персидском или арабском происхождении тех или иных слов. Поэтому мало кто знает о персидском или арабском происхождении многих адыгских слов, так как они давно и прочно вошли в адыгскую языковую ткань. Таким образом, чужеродный характер и время их заимствования можно определить только путем специального лингвистического и историко-культурного анализа в сочетании с филологическим. Исходя из этого, наряду с методом историко-сравнительной лексикологии, в работе используются методы сплошной выборки из существующих лексикографических источников и контекстуальный метод для подтверждения исследуемых словарных единиц.

Выявление и изучение заимствованной лексики представляет огромный интерес, как в лингвистическом плане, так и в историко-культурном отношении. Без выявления и систематизации заимствованных элементов невозможно полноценно изучить лексику кабардино-черкесского языка. Заемствованные слова, кроме обогащения словарного состава, играют также важную роль в восстановлении полной картины ирано-адыгских и арабо-адыгских культурных связей на протяжении многих лет. В этом и заключается актуальность данной темы.

Для достижения заданной цели необходимо решить следующие задачи:

- выявить слова, проникшие в кабардино-черкесский язык из арабского, персидского и осетинского языков;
- обосновать их структурно-семантические особенности;
- показать на документированном материале возможности функционирования заимствованных слов в адыгских языках.

К вопросам заимствования и исследования лексического состава адыгских языков обращались многие известные адыговеды. А. К. Шагиров (1962; 1977; 1982; 1989) занимался выявлением и структурированием заимствованных слов из тюркских, семитских, иранских языков. Работы М. Л. Апажева (2000) направлены на изучение заимствованных слов из индоевропейских языков. В «Сравнительно-исторической грамматике адыгских (черкесских) языков» М. А. Кумахов (1989) с помощью метода внутренней реконструкции выводит исконно адыгские корни, что значительно облегчает специалистам работу по выявлению чужеродных слов. Работа Х. Ш. Урусова (2000) «История кабардинского языка» посвящена исследованию заимствованных слов в кабардино-черкесском языке. Здесь автор устанавливает некоторые принципы выявления заимствованных слов. Указанные труды видных ученых стали теоретической базой нашего исследования.

Материалом для исследования послужили словари:

- БОРС – Большой русско-осетинский словарь / сост. Л. Б. Гацалова, Л. К. Парсиева. Владикавказ, 2011.
- РАС – Русско-арабский словарь / сост. Г. Ш. Шарбатов. М.: Советская энциклопедия, 1964.
- РОС – Русско-осетинский словарь / сост. В. И. Абаев. М.: Издательство иностранных и национальных словарей, 1950.
- РПС – Русско-персидский словарь / сост. И. К. Овчинникова, Г. А. Фуругян, Ш. М. Бади. М.: Советская энциклопедия, 1965.
- РТС – Русско-турецкий словарь / сост. Э. М.-Э. Мустафаев, В. Г. Щербинин. М.: Советская энциклопедия, 1972.
- СКЧЯ – Словарь кабардино-черкесского языка / сост. М. Л. Апажев, П. М. Багов и др. М.: ДИГОРА, 1999.
- Словарь синонимов кабардино-черкесского языка (Адыгэбзэ синонимхэм я псалъалъэ) / науч. ред. Р. Х. Дзуганова. Налшык, 2020.
- Толковый словарь адыгейского языка (Адыгабзэм изэхэф гущыпалъ) / сост. А. А. Хатанов, З. И. Керашева. Майкоп: Адыгейское книжное издательство, 1960.
- Шагиров А. К. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков: в 2 т. М.: Наука, 1977. Т. I. А – Н. Художественная литература:
- Абыкъу Хь. Инжыдж и йуфэхэм. Черкесск: Ставрополь тхылъ тедзапIэ. Къэрэшей-Шэрджэс отделенэ, 1986.
- Брат Хь. Лъэпкъым и къуэпсхэр // Брат Хь. Ди жьэгуми мафIэ щыблэжынщ. Повестхэр, рассказхэр. Черкесск: Ставрополь тхылъ тедзапIэ. Къэрэшей-Шэрджэс отделенэ, 1988.
- Дыгъужь Къу. Б. Шымакуэ лэгъуныкъу. Къэрэшей-Шэрджэс Республикэм и къэрал тхылъ тедзапIэ, Черкесск, 2011.
- Кыщокъуэ А. П. Адэ // Кыщокъуэ А. П. Тхыгъэхэр томиным щызэхуэхьэсауэ. Налшык, 2004. Т. 1. Усэхэмрэ поэмэхэмрэ.
- Кыщокъуэ А. П. Къалэн // Кыщокъуэ А. П. Тхыгъэхэр томиным щызэхуэхьэсауэ. Налшык, 2006а. Т. 5.
- Кыщокъуэ А. П. Лъапсэ // Кыщокъуэ А. П. Тхыгъэхэр томиным щызэхуэхьэсауэ. Налшык, 2006б. Т. 5.
- Кыщокъуэ А. П. Мелыгыч // Кыщокъуэ А. П. Тхыгъэхэр томиным щызэхуэхьэсауэ. Налшык, 2006с. Т. 5.
- Кыщокъуэ А. П. Хъуэпсэгъуэ нур // Кыщокъуэ А. П. Тхыгъэхэр томиным щызэхуэхьэсауэ. Налшык, 2005. Т. 2.
- КIэрэф М. Лъэужь е лIэужь. Повестхэр. Налшык: Эльбрус, 2009.
- МафIэдз С. Хь. Уэрэд макъамэ. Повестхэр, рассказхэр. Налшык: Эльбрус, 2014.

Практическая значимость работы заключается в использовании результатов исследования при составлении словарей различного типа, а также при чтении курса по лексикологии на филологических факультетах вузов Кабардино-Балкарской Республики (КБР), Карачаево-Черкесской Республики (КЧР) и Адыгеи.

Обсуждение и результаты

В адыгских языках немало различных заимствований, если даже не считать многочисленные русизмы позднейшего времени. «Среди всех заимствованных слов в абхазско-адыгских языках, – замечает известный кавказовед Г. А. Климов, – налицо множество лексем, отражающих былую религиозную ориентацию и абстрактные понятия, термины торговли и денежных отношений, названия различных реалий домашнего и общественного быта» (1986, с. 54). Ответом на причину такого положения можно считать утверждение А. Мейе, выдающегося языковеда современной Франции, о том, что «живой язык не образует свободно новых слов. Образование новых слов, как общее правило, происходит только либо при появлении новых понятий, неизвестных дотоле, либо в случае необходимости ... в религиозном языке...» (1938, с. 265-266).

Язык усваивает ранее не известное слово, когда заимствует новую вещь или понятие, в котором нуждается данное общество. Таким образом, заимствование слов – это не только языковой процесс, но также и общественное явление (Кодухов, 1979, с. 223).

Структурно-семантический анализ начнем с арабских заимствований, поскольку их количество значительно превалирует над заимствованиями из иранских языков.

Как полагают лексикологи-адыговеды и историки, арабизмы в адыгские языки стали проникать еще с XIV века, когда адыги впервые столкнулись с исламом через Золотую орду (Очерки истории Адыгеи, 1957).

Если систематизировать указанные слова по тематическим группам, то слова, относящиеся к религии и мифологии, занимают большую часть всех арабских заимствований. За ними следуют слова, обозначающие абстрактные понятия, далее – названия качеств, свойств человека, животных и вещей; названия предметов домашнего обихода; немного меньше – названия кушаний, приправ и напитков и единичные слова, относящиеся к обозначению времени, мер и торговли.

Рассмотрим несколько заимствованных лексем из арабского языка в кабардино-черкесский язык, претерпевших изменения как в фонетическом, так и в семантическом плане. Так, например, арабское слово *зикр* приняло в кабардино-черкесском языке такой фонетический облик – *зэчыр*. В фонетическом плане заметно закономерное чередование согласных в корне *к:ч*, а также замена гласного *и:э*, а наращение *ы* между согласными *ч* и *р* соответствует фонетическим законам заимствующего языка. Слова иноязычного происхождения с исходом на сонорные *м*, *н*, *р* проявляют тенденцию к образованию открытого слога (Кумахов, 1981). Относительно семантики рассматриваемого слова следует отметить, что из пяти значений слова *зикр* в арабском языке кабардино-черкесский язык заимствовал только одно значение – «религиозная песня».

Арабское слово *джумга* в значении «воскресенье» в кабардино-черкесском языке приняло форму *жумыхъэ*. В данном случае мы имеем фонетическое упрощение: дифтонг *дж>ж*, согласный *з/х* передается (произносится) в заимствующем языке как звук *хъ*, а конечный гласный *а* рассматриваемой лексемы переходит в *э* (*а>э*), оставляя последний открытый слог ударным, что не характерно для кабардино-черкесской акцентуации. При этом разбираемое слово приобретает в кабардино-черкесском языке новое значение – особый намаз, который делают в пятницу – «пятничный намаз». Ср., например: *Езы Къетау дыдэу жумыхъэ кІуэуэ зи мыхабзэри къэкІуат, Мэши зыкъригъаиэри* (Кыщокъуэ, 2006б, с. 107). / «На **пятничный намаз** пришел даже сам Кетау в сопровождении Меша, хотя у него не было привычки вообще ходить в мечеть» (здесь и далее перевод выполнен автором статьи. – Р. Д.).

При заимствовании арабского слова *себеб* (РАС, 1964, с. 673) кабардино-черкесским языком в корне исследуемой лексемы происходят некоторые закономерные чередования типа *б:п*, *е:э* (*сэбэп*). Однако интерес представляет то, что из пяти значений данного слова в арабском (1. Причина; 2. Дорога; 3. Товар; 4. Вербка; 5. Связь) ни одно из них не заимствовано в кабардино-черкесском. В заимствующем языке анализируемое слово употребляется довольно часто, но в значении «полезный». Ср., например: *(Іуарэ Псэун жриІэу:) Къапишэу унагъуэу утІысыжынуми, уи къэшэгъуэц, зэран сыпхуэхъункъым, сэбэп фІэкІа* (Кыщокъуэ, 2006а, с. 434). / «(Урара, обращаясь к Псауну:) Если хочешь жениться и обзавестись семьей, то ты как раз в том возрасте, я не буду тебе мешать, а, наоборот, только буду приносить тебе **пользу**».

Самую высокую валентность демонстрирует арабское слово *салам* (РАС, 1964, с. 298) в кабардино-черкесском языке. В корне рассматриваемой лексемы происходит переход *я>а*, так как сонорный *л* в кабардино-черкесском и так всегда мягкий: *салам*. А из трех значений исследуемого слова (1. Мир; 2. Гимн; 3. Рукопожатие, приветствие) кабардино-черкесский язык заимствовал только третье – рукопожатие, приветствие. Ср., например: *Сэлам, Мурат и къуэ, – жиІэри хъэцІэри нэжэгужэу къэпсэлъащ* (Кыщокъуэ, 2005, с. 201). «**Салам**, сын Мурата, – гость вежливо поприветствовал его».

Заимствованное из арабского языка слово *дакика* (РАС, 1964, с. 434), приспособившись к фонетическим законам кабардино-черкесской акцентуации, передвигает акцент на предпоследний слог с последующим чередованием конечных гласных *а:э* (*дакъикъэ*). Эти фонетические процессы вполне вписываются в рамки закона развития конечного гласного *э* в абсолютном исходе в адыгских языках в старых лексических заимствованиях (Кумахов, 1981, с. 88).

В семантическом плане из всех значений рассматриваемого слова в арабском языке заимствовано в кабардино-черкесский язык лишь одно – «минута». Ср., например: *Пицэдджыжь фIэхъусым и жэуап кърату макъ куэд зэдежъуар Заур IуныIу зэхиха нэтми, дакъыккъэ гуэр Iэнкунауэ щытащ, цIыхухэм яхэплъэу, цIыхум яжриIэнур цуха хуэдэ* (Дыгъужь, 2011, с. 168). / «Заур, хотя и услышал отчетливо ответ на свое утреннее приветствие, какую-то **минуту** растерянно стоял, глядя на толпу, будто закончил свою речь».

Слова, заимствованные из персидского языка, в лексико-грамматическом плане более стабильны. Они, сохраняя лексическое значение, функционируют в языке без особых фонетических изменений. Представляет интерес то обстоятельство, что из персидского языка кабардино-черкесский язык заимствовал союз *е* в значении «или» (РПС, 1965, с. 295), а лексема *ками* «недостача» (РПС, 1965, с. 455) в кабардино-черкесском употребляется как глагол *чэм* (*чэмын*) «не хватать». В причастной форме *камэл* «недостающий» от «недоставать» (РПС, 1965, с. 456) вполне вписался в богатую систему глагола адыгских языков. При этом надо отметить, что иноязычные слова, проникшие в кабардино-черкесский язык, в основном существительные и прилагательные (Дзуганова, Ошроева, 2024, с. 145).

Заимствованные слова из персидского языка иногда сохраняются в диалектах и говорах. Так, например, слово *щащыху* «покрывало» персидского происхождения встречается только в речи малокабардинцев (жителей Терского района, КБР). В турецком языке встречается это слово в значении «простынь, простыня». Имеющееся в литературном кабардино-черкесском языке синонимичное слово *пIэтенхъуэ* «покрывало» имеет сложное строение: *пIэ* «постель» + *те-пхъуэ* «покрывай». Рассматриваемое слово *щащыху* «покрывало» проникло в кабардино-черкесский язык вместе с новой вещью.

Заимствованные слова в кабардино-черкесский язык из персидского языка большей частью связаны с названиями тканей. Например: *дарий* «парча» (СКЧЯ, 1999, с. 109), *данэ* «шелк» (СКЧЯ, 1999, с. 108), *лъахъстэн* «сафьян» (СКЧЯ, 1999, с. 492) и т. д. Сказанное подтверждает еще то обстоятельство, что в языке до сих пор присутствует персидское слово *сэнджэху/седжаф* «край, кайма; подшивка к подолу» (СКЧЯ, 1999, с. 607).

Нарушение кабардино-черкесской акцентуации демонстрирует заимствованное слово из персидского языка *таразу/тэрэээ* в значении «весы» (РПС, 1965, с. 83). Рассматриваемое слово проникло в исконном виде – с акцентом на последний открытый слог. Например: *Иласи псыныцIэу тэрэээ кыхьри гупхэм деж кзыгъэуащ* (Кышчокъуэ, 2006с, с. 471). / «Илас быстро принес **весы** и поставил сзади арбы».

В адыгейском и черкесском вариантах литературного кабардино-черкесского языка разбираемое слово используется с усеченной основой *тэрэз* в другом значении – «правильный, точный, верный». Сравним на примерах. В адыгейском языке: *Ащ ыIуагъэр тэрэз* (ТСАЯ, 1960, с. 556). / «Он сказал **правильно**». Ср. в черкесском варианте: *Екзуб жиIу: Мадинэ магъри ар зэрызгъэудэIун псалгъ тэрэз скуржыIэкъым* (Брат, 1988, с. 48). / «Якуб говорит: Мадина плачет, а я не могу найти **правильное** слово, чтоб успокоить ее». Между тем в речи кабардинцев данное слово употребляется крайне редко.

Названия предметов быта типа *тебэ/табэ* «сковорода», *бел/бил* «лопата» (РПС, 1965, с. 374) и др. слова употребляются в языке без фонетических и семантических изменений. Интерес представляет то, что название *тахътэ/тахт* «тахта» (РПС, 1965, с. 918), как и сам предмет, кроме прямого значения «трон, кресло для хана, короля и т. д. во время торжественных церемоний» в заимствующем языке приобрело другое значение – «кровать из дерева, разукрашенное росписью и орнаментом». Такие кровати на какое-то время вышли из моды, и название тоже устарело. Однако в настоящее время стали появляться красивые кровати с деревянными спинками, похожие на тахту, что делает возможным возвращение в литературный язык исследуемого архаизма.

Не меньший интерес представляет то, что заимствованное слово из персидского *нэцэнэ* в кабардино-черкесском языке сохранило оба значения: 1. Мишень и 2. Символ. Ср. на примерах: 1. *А махуэ дьдэм уи адэр ЛыукI нэмыцэм къаубыдри, Бгъэм и тIысыпIэу ди бгыщхэм Нэцэнэ хуэдэу цагъэуэри, Гъуэрыгъуэу еуэ яIцI...* (Кышчокъуэ, 2004, с. 421). / «В тот же день убийцы немцы поймали твоего отца и, поставив как **мишень** на вершине горы, расстреляли его по очереди...»; 2. *Дэтхэнэ зы лъэхъэнэ пыхуыкIами, езым и нэцэнэ илэжц, гурэ псэIэ зэхэпцIэу* (КIэрэф, 2009, с. 32). / «Каждая эпоха имеет свои особенные **приметы**, которые ты чувствуешь душой, сердцем».

Заимствованные слова из осетинского языка мы наблюдаем больше всего в речи кабардинцев, живущих по соседству с осетинами. В работе подвергается анализу лишь несколько более употребительных моделей, представляющих наибольший интерес. К ним относится слово *цад/шэд*, которое в осетинском языке имеет значение «озеро» (РОС, 1950, с. 287). В кабардино-черкесском языке рассматриваемое слово употребляется в виде слова *шэд* в значении «большая лужа» (СКЧЯ, 1999, с. 756). Представляет интерес то, что в кабардино-черкесском понятие «озеро» передается заимствованным из турецкого словом *гуэл*, а в осетинском это слово *кул*, наоборот, передает значение «лужа» (РОС, 1950, с. 222). Однако созвучие и семантическая близость заимствованного слова *цад* «озеро» с топонимом *Шэт – Шэт хъурей* (название небольшого озера в КБР) «Круглое озеро» наводит на мысль о возможном былом значении в прошлом этого названия. Это карстовое озеро имеет еще и другое народное название – *Шэнт хъурей* «Круглый стул». Оно появилось в результате того, что местные жители заменили непонятный архаизм созвучным словом.

Высокую валентность проявляет заимствованное из осетинского языка слово *кыржын / чыржын // кырдын* «чурек, кукурузная лепешка» (БОРС, 2011, с. 204). Рассматриваемая заимствованная модель равноправно входит в состав синонимического ряда: *мэжаджэ, чыржын, хьэлэ, хьэтыкъ* (ССКЧЯ, 2020, с. 523-524). Все они обозначают лепешку из кукурузной муки, чурек. Первые три названия с одинаковой частотой функционируют в языке, лишь последняя лексема, заимствованная из турецкого языка, сохранилась в речи жителей Терского района КБР. Ср. на примерах из художественных текстов как кабардинских, так и черкесских писателей.

В кабардинском языке: *Абы цыгъуэ (зауэ нэужьым) сурэт зытребгъэхыфынут чыржын тебэ идзэгъуэкIэ, кхъуей хьэлкIэ, кIэртIоф къэп ныкъуэкIэ, лы гъур IыхьэкIэ* (МафIэдз, 2014, с. 186). / «В то время (после войны) можно было сфотографироваться за одну сковородку **кукурузных лепешек**, либо за один круглый сыр, либо за пол мешка картошки, либо за кусок сушеного мяса».

В черкесском языке: *Мусэхуэ апхуэдизу зи куцI цымысхьыжу игъэлажъэ и лIыщIэхэм я фэри, я ныхбэри иригъэкъуртэкъым, чыржынрэ къалмыкъ шейрэкIэ махуэм жэщыр дэкIуэу игъэлажъэрт* (Абыкъу, 1986, с. 48). / «Большой Муса кормил своих батраков впроголодь, заставляя их работать и днем, и ночью на одной **кукурузной лепешке** с калмыцким чаем».

Осетинское слово *кардан/хъыдан* «женский платок; отрез, кусок ткани» (БОРС, 2011, с. 418) проникло в кабардино-черкесский язык в значении «тряпка» (СКЧЯ, 1999, с. 739).

Довольно широкое употребление в адыгских языках имеет заимствованное слово *бысым* «хозяин дома по отношению к гостю; лицо, оказывающее гостеприимство» (СКЧЯ, 1999, с. 54). В произведениях кабардинского писателя А. Кешокова рассматриваемое слово встречается 27 раз. Ср., например: *Жыраслэн здэщыIэ бысымым я деж шу гуп щепсыхащ, жэщ хьэщIэну* (Кыщокъуэ, 2005, с. 89). / «Однажды у хозяина, где остановился погостить Жираслан, спешили несколько всадников, молодых князей, чтобы переночевать».

В адыгейском языке разбираемое слово часто выступает в паремиологических образованиях. Ср.: *Бысым пэкIэ ланл* (ТСАЯ, 1960, с. 33). / «Хозяин, не любящий принимать гостей». Ср. также: *ХьэкIэр чэщыщ хъумэ, бысымым ящыщ мэхужьы* (ТСАЯ, 1960, с. 33). / «Если гостить больше трех суток, ты уже не гость, а хозяин».

Между тем относительно происхождения рассматриваемого слова среди специалистов до сих пор нет единого мнения. В осетинском языке в исследованиях В. И. Абаева (1949, с. 337) наблюдаем рассматриваемое слово как *фысым/фусун* «хозяин дома по отношению к гостю». А. К. Шагиров, проводя сравнительный анализ в близкородственных языках (в абхазском и абазинском), обнаруживает следующие результаты: в абхазском – *а-пшума*, в абазинском – *пшума* «хозяин дома». Слово *бысым* «хозяин гостевого дома» в убыхском языке ученый считает адыгским заимствованием (Шагиров, 1977, с. 104). Сравнительный анализ с нахскими языками показал, что в чеченском языке рассматриваемое слово звучит *хусам* «пристанище, дом хозяина», а в ингушском языке – *фусам* с аналогичным значением. В этом случае исследуемое слово в ингушском языке сближается с осетинским *фысым/фусун* «хозяин дома по отношению к гостю». Другие соображения Н. Р. Иванокова (2015) о том, что слово *бысым* «хозяин дома по отношению к гостю» сложилось на адыгской языковой почве, не убедительны.

Столетия бытования иноязычных слов в адыгской языковой среде, безусловно, могли сильно изменить как звуковой облик заимствованных лексем, так и их семантику. Эти процессы приспособления, преобразования, адаптации заимствованных слов подчинены определенным языковым законам, действующим в заимствующем языке, хотя наблюдаются случаи отклонения от этого правила.

Таким образом, исследование ирано-арабской лексики на адыгской языковой почве – это важный лингвистический комментарий к культурной и отчасти политической истории адыгов.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

Анализ фактического материала показал, что из числа семитских языков в кабардино-черкесский язык проникли слова в основном из арабского языка, а из иранских языков – из персидского и осетинского.

Слова, заимствованные из арабского языка, больше подвержены изменениям, как в фонетическом, так и в лексическом плане. Заимствования из персидского и осетинского языков более стабильны в семантическом плане. Встречаются случаи, когда заимствования из персидского языка сохраняют исконную акцентуацию. В основном иноязычные слова не нарушают внутренние законы языкового развития, присущие заимствующему языку.

Наличие во всех адыгских языках значительного количества заимствованных слов из указанных языков демонстрирует глубокие древние и культурные связи этих народов.

Перспективу дальнейшего исследования данной темы видим в выявлении и изучении особенностей функционирования заимствованных слов, проникших в кабардино-черкесский язык из турецкого языка.

Источники | References

1. Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. М. – Л.: Издательство АН СССР, 1949. Т. 1.
2. Апажев М. Л. Современный кабардино-черкесский язык (лексикология, лексикография). Нальчик: Эльбрус, 2000.
3. Дзуганова Р. Х., Ошроева К. В. Включение в словообразовательную систему кабардино-черкесского языка имен, заимствованных из арабского, турецкого и персидского языков // II Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Парадигма современной гуманитарной науки и образования: традиции и перспективы». Нальчик, 2024.
4. Иваноков Н. Р. Избранные труды. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2015.
5. Климов Г. А. Введение в кавказское языкознание. М.: Наука, 1986.

6. Кодухов В. И. Введение в языкознание. М.: Просвещение, 1979.
7. Кумахов М. А. Сравнительно-историческая грамматика адыгских (черкесских) языков. М.: Наука, 1989.
8. Кумахов М. А. Сравнительно-историческая фонетика адыгских (черкесских) языков. М.: Наука, 1981.
9. Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков / пер. Д. Кудрявского; под ред. Р. Шор. М. – Л., 1938.
10. Очерки истории Адыгеи: в 2 т. / сост. д. ист. н. С. К. Бушуев и к. ист. н. Е. С. Зевакин. Майкоп, 1957. Т. 1.
11. Урусов Х. Ш. История кабардинского языка. Нальчик: Эльбрус, 2000.
12. Шагиров А. К. Заимствованная лексика абхазо-адыгских языков. М.: Наука, 1989.
13. Шагиров А. К. Материальные и структурные общности лексики абхазо-адыгских языков. М.: Наука, 1982.
14. Шагиров А. К. Очерки по сравнительной лексикологии адыгских языков. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1962.

Информация об авторах | Author information

RU**Дзуганова Рита Хабаловна¹**, д. филол. н.¹ Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, г. Нальчик**EN****Rita Khabalovna Dzuganova¹**, Dr¹ Institute for the Humanities Research – Branch of the Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik¹ dzug.rita@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 10.04.2025; опубликовано online (published online): 15.05.2025.

Ключевые слова (keywords): семантические модификации; кабардино-черкесский язык; заимствования из арабского и иранских языков; лексико-грамматические особенности; разноструктурные языки; semantic modifications; Kabardian-Circassian language; borrowings from Arabic and Iranian languages; lexico-grammatical features; different-structured languages.